

Гюстав
Эмар

морской
авантюрный
роман

БЕРЕГОВОЕ БРАТСТВО

Морской авантурный роман

Гюстав Эмар

Береговое братство

«ВЕЧЕ»

1869

Эмар Г.

Береговое братство / Г. Эмар — «ВЕЧЕ»,
1869 — (Морской авантюрный роман)

ISBN 978-5-4444-7401-3

XVII век. Панама. Отвергнутый сын короля Испании жаждет мести. Отплыв в Новый Свет, он присоединяется к грозному обществу флибустьеров и объявляет беспощадную войну своей родине на суше и на море. Гюстав Эмар (1818—1883) — писатель и путешественник, которого современники прозвали «французским Купером», прославился не только романами об индейцах, но и многотомным циклом о карибских пиратах.

ISBN 978-5-4444-7401-3

© Эмар Г., 1869

© ВЕЧЕ, 1869

Содержание

Часть первая. Лесник	6
Глава I. Читатель немного знакомится с Сантьяго Лопесом и его семейством	6
Глава II. Несколько неприятных часов в Толедских горах	14
Глава III. Как несчастье входит в дом	21
Глава IV. Где доказывается, что ни богатство, ни величие не составляют счастья	28
Глава V. Клятва	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Гюстав Эмар

Береговое братство

Gustave Aimard. «Le Forestier», 1869

Печатается по изданию: Густав Эмар. «Лесник», издание Е.Н. Ахматовой, СПб., 1874.

© ООО «Издательский дом «Вече», 2014

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2014

Сайт издательства www.veche.ru

Часть первая. Лесник

Глава I. Читатель немного знакомится с Сантьяго Лопесом и его семейством

Толедо, древняя столица сперва готских, а после распада Кордовского халифата – мавританских королей, некогда заключал в себе до двухсот тысяч жителей, теперь же там насчитывается едва двадцать пять тысяч. Так быстро уменьшается народонаселение в несчастной Испании. Милях¹ в пяти или шести от этого знаменитого города, среди гор, в глубине зеленой и почти неизвестной долины, находился в эпоху, к которой относится начало этого рассказа, то есть в 1628 году, скромный домик, построенный из кругляшей, крытый соломой и прислоненный к громадной скале, которая защищала его от северного ветра, тогда как с остальных трех сторон его окружал сад, хорошо ухоженный и обнесенный живой изгородью из колючего кустарника.

Долина, где стоял домик, была невелика; в окружности она едва имела милю и разделялась на две почти равные части речкой, которая уступами падала с вершины горы, но достигнув подножия, лениво текла, осененная шпакликом, с тем едва слышным журчанием воды по камушкам, которое так прельщает мечтателей.

Нельзя представить себе ничего более поэтичного, мирного и спокойного, чем вид этого затерявшегося в горах уголка земли, где замирали все отголоски света, этой очаровательной Фиваиды², где текла жизнь тихая и мирная, вдали от городских забот и мелочной вражды завистников.

Немногим ранее полудня восемнадцатого мая 1628 года молодой еще человек, высокий, стройный, с лицом кротким, но в то же время решительным, в одежде деревенского жителя окрестностей Толедо, с ружьем под мышкой и косулей на плечах, спускался почти бегом с крутого склона горы по настоящей козьей тропинке; он направился прямо к хижине в сопровождении или, вернее, предшествуемый двумя славными собаками с удлиненной мордой, висячими ушами и огненными подпалинами на коричневой шерсти. Завидев хижину, они помчались во все лопатки, мгновенно перемахнули через изгородь, так как калитка была затворена, и кинулись внутрь домика, где скрылись с радостным лаем, на который ответила густым басом громадная дворняга.

Мгновенно, точно лай был для них сигналом, из дома навстречу к охотнику поспешно вышли три женщины.

Из этих трех женщин первая была лет тридцати с небольшим. В чертах ее лица сохранялись следы красоты, которая лет за десять, вероятно, была замечательна; ее прямой и гибкий стан был наделен той томной грацией, которая отличает андалусиек и женщин Новой Кастилии.

За ней шли две молодые девушки, одна лет пятнадцати, другая – едва достигнув четырнадцати; белокурые волосы обеих имели тот пепельный оттенок, который свойствен потомкам готов, а глаза и брови были черные, что придавало странный характер их веселым и выразительным лицам. Черты их лиц, разве только очень уж правильные, были редкой красоты; ослепительная и гордая красота эта носила отпечаток надменной дикости, которая

¹ Миля равна 1609 м.

² Фиваида – область вокруг города Фив в Египте, позже название Верхнего Египта.

встречается только в глубоком уединении, увлекает и очаровывает в одно и то же время и для страсти имеет обаяние неодолимое.

Женщину звали Марией Долорес, девушек – Христианой и Лусией.

Христиана была старшая.

Человек, навстречу которому шли три женщины, называл себя Сантьяго Лопесом; он был мужем Марии Долорес и отцом двух белокурых ангелов, бросившихся ему в объятия, как только они подбежали к нему.

Охотника мигом избавили от ружья и охотничей добычи, после чего все четверо вошли в хижину и сели к столу, на котором был приготовлен сытный завтрак. Отец прочел вслух короткую молитву, и все усердно принялись за еду.

Мы воспользуемся временем, пока это патриархальное семейство мирно сидит за трапезой, чтобы в нескольких словах поведать его историю или по крайней мере о том, что известно было из его истории, – в сущности, однако, очень немного.

Однажды, лет шестнадцать или семнадцать назад, человек лет тридцати пришел со стороны Толедо в долину, тогда совершенно пустынную.

Незнакомец привел с собой двадцать рабочих и несколько мулов, навьюченных съестными припасами, разнообразными инструментами и материалами; одежда погонщиков мулов была не кастильская, а скорее напоминала одеяние жителей баскских провинций.

Осмотрев долину и изучив ее со всех сторон, незнакомец остановил свой выбор на самом дальнем конце ее, сделал знак работникам, и те с помощью погонщиков, развьючив мулов, немедленно со всем рвением принялись за работу.

Одни строили дом или, вернее, хижину, другие вспахивали значительное пространство земли сперва для сада, а там и для полей, довольно обширных.

Земля никому не принадлежала; можно было брать сколько угодно.

Никогда еще в долине не царил подобного оживления: с грохотом валили деревья, распиливали их на отдельные части и обтесывали; кузнецы ковали на переносных или устроенных на скорую руку наковальнях; никто не оставался без дела.

Новый пришелец наблюдал за работами, объяснял свой план строительства и давал наставления.

Словом, была развернута такая кипучая деятельность, что менее чем через месяц деревянный домик в два этажа, прекрасно отстроенный внутри, стоял уже совсем законченный, как и большой сарай, конюшня на три лошади, хлев для скота и амбар для склада запасов.

Сад был обнесен живой изгородью, засажен фруктовыми деревьями, привезенными из Толедо в несколько приемов, и украшен прекрасными цветами. Вспаханные поля засеяли; две коровы и коза очутились в хлеве, две лошади на конюшне и несколько охотничьих и сторожевых собак на цепи в конурах неподалеку от птичьего двора, полного уток и кур.

Недоставало только мебели, но и ту, как только дом был достроен, немедленно доставили сюда вместе с бельем и посудой.

Мебель была простая, но прочная и могла служить долго.

Когда все работы были закончены, незнакомец, которого звали ньо³ Сантьяго Лопесом, собрал работников, поздравил их с успешным завершением дела, поблагодарил и отпустил с щедрым вознаграждением. Люди ушли, осыпая его благословениями, так они остались довольны.

После этого ньо Сантьяго обратился к старшему погонщику мулов с несколькими словами на языке, которого никто не понял, – позднее выяснилось, что это баскское наречие, – погонщики мулов ушли, в свою очередь, и незнакомец остался один.

³ Ньо – дон, сеньор.

Он принялся за осмотр своих владений и ежедневно отправлялся в долгие путешествия далеко по окрестностям; за две недели он узнал соседние горы на десять миль вокруг, как будто прожил тут целый век.

По прошествии этих двух недель ньо Сантьяго однажды утром, вместо того чтобы отправиться на обычную нескончаемую прогулку, взял ружье, свистнул собак и скорым шагом направился ко входу в долину.

Едва он успел поравняться с ущельем, выходящим на узкую тропинку, которая вела к равнине, извиваясь у подножия горы, как услышал напев баскской песни, которую распевали во все горло, между тем как серебристый звон бубенчиков будто в такт вторил пению.

Вскоре погонщик, которого он отослал две недели назад, вероятно, возложив на него важное поручение, показался на повороте тропинки.

Он гнал четырех навьюченных мулов. За ними, не торопясь шли четверо путников.

Впереди была молодая женщина лет девятнадцати, не более, красоты замечательной, но бледная, слабая и с выражением лица грустным и болезненным.

Из трех остальных двое были рослые и дюжие мужчины, еще молодые, а третья – женщина лет двадцати трех, довольно хорошенькая и чрезвычайно свежая. Трое последних были слуги: один из двух мужчин, по имени Педро, – муж молодой женщины; другой же, Хуанито, – брат Педро и, следовательно, деверь служанки Пакиты.

Завидев этих людей, ньо Сантьяго бросился к ним навстречу.

Путники остановились с почтительным и радостным поклоном слуг, выросших в доме и сильно преданных своим господам.

Сантьяго ответил, улыбаясь, на их поклон и обнял молодую женщину.

– Наконец-то ты тут, Долорес! – воскликнул он. – О! Как я счастлив, что мы опять вместе; время так медленно тянулось вдали от тебя!

– И для меня также, мой дорогой Луис! – ответила она, с нежностью отвечая на его ласки.

– Тс-с! Не называй меня этим именем, радость моя! – вскричал он, закрывая ей рот поцелуем. – Ты ведь помнишь о нашем уговоре.

– Извини меня, друг мой, – сказала молодая женщина с улыбкой, озарившей ее прекрасное и кроткое лицо, словно солнечный луч, который мелькнул среди туч. – От счастья, что вижу тебя, я забыла обо всем на свете.

– Оставим это, моя крошка, но дай мне пожурить тебя.

– Меня, мой возлюбленный господин и повелитель? За что же?

– За то, что при твоей слабости ты идешь пешком, когда могла бы спокойно сидеть на муле.

– Я уже говорил графине, – пробормотал погонщик, – но она меня не слушала.

– Да что же это, Ареги! – с живостью вскричал ньо Сантьяго. – Что это вы говорите?

– Ба! – не смущаясь заявил тот. – Мы здесь в семье, и никакой опасности не подвергаемся. Дайте мне говорить по-своему, ваше сиятельство; не бойтесь измены с моей стороны, я сохраняю вашу тайну.

Граф ли был незнакомец или нет, но он протянул погонщику руку.

– Знаю, – сказал он ему.

Подойдя к хижине, донья Долорес улыбнулась.

– О, как счастливы мы будем здесь! – радостно вскричала она.

– Если только наши гонители не отыщут нас и тут, – грустно возразил муж.

– Как же это возможно? Разве ты не умер для всех, без сомнения умер? И я разве не бежала во Францию и не постриглась там в монастыре в отдаленной провинции?

– Правда, – согласился он, – теперь, когда мы навек отторгнуты от общества, будем жить друг для друга и все счастье искать в нашей любви.

– Этого достаточно, чтобы жизнь показалась нам раем, мой возлюбленный.

На другой день ньо Сантьяго уехал в Толедо с погонщиком мулов.

Там они расстались, чтобы, быть может, никогда больше не видеться. Ареги возвращался в Бискайю.

Со слезами на глазах пожали они друг другу руки в последний раз.

Хотя долина, где поселился ньо Сантьяго, никому по настоящему не принадлежала, он решился, во избежание всяких придирок и притеснений со стороны местных властей соседнего города, отнять у них возможность тревожить его в уединении.

Он обратился к толедскому нотариусу и поручил ему начать переговоры с городским советом относительно покупки долины.

Члены совета сначала не уразумели ни слова из всего дела; они понятия не имели о существовании этой долины, однако деньги получать всегда кстати, откуда бы они ни приходили, поэтому городской совет после долгих прений и переговоров согласился за две тысячи пиастров наличными уступить некоему ньо Сантьяго Лопесу, землепашцу и леснику, означенную долину в вечное и потомственное владение, с правом передачи без всякого предварительного разрешения.

К этой купчей по настоящему требованию лесника была сделана приписка, в силу которой ему предоставлялось на вековечные времена право охоты в горах круглый год на пятнадцать миль в окружности, и это за дополнительную сумму в тысячу пиастров, внесенную единовременно.

Только в пользу его величества короля испанского выговорено было право охотиться в горах, если во время своего пребывания в Толедо, куда он приезжал довольно часто, ему угодно было бы заняться охотой.

Итак, сумма купли достигла трех тысяч пиастров, которые надлежало немедленно внести в городской совет нотариусу, служившему ходатаем в торге.

Это и было им исполнено, не покидая заседания. Ему вручили купчую крепость в законной форме, и сановники благородного города Толедо радостно потирали себе руки, устроив такое выгодное дело.

В ту эпоху, как и ныне, горы в окрестностях Толедо имели весьма дурную славу: в них укрывались бандиты со всей провинции; они убивали и грабили путешественников, не опасаясь ни алькальдов⁴, ни альгвазилов⁵, которые не смели им противиться. Поэтому, вполне естественно, никто не изъявлял желания владеть долиной, где ньо Сантьяго вздумал поселиться.

Как бы то ни было, он щедро вознаградил нотариуса, тщательно спрятал акт и весело вернулся в горы, куда прибыл за два часа до заката солнца, спеша увидеть жену, с которой расстался на рассвете.

Наши отшельники зажили чисто патриархальной жизнью.

Пакита была молочная сестра доньи Марии Долорес, Педро и Хуанито – молочные братья ньо Сантьяго; эти пять лиц, в сущности, составляли одно семейство, так они любили друг друга.

Однако, несмотря на просьбы и даже приказания ньо Сантьяго, никогда трое слуг не соглашались садиться за один стол со своими господами.

Не видя возможности убедить их, тот наконец предоставил им свободу поступать по своему, чем несказанно обрадовал этих честных и скромных людей.

Ньо Сантьяго охотился, Мария Долорес вела домашнее хозяйство, Пакита исполняла тяжелые работы и ходила за птицами и скотом, мужчины возделывали поля и сад.

⁴ Алькальд – здесь: городской судья.

⁵ Альгвазил – судебный исполнитель.

Каждое воскресенье маленькая колония ходила к обедне в маленькую церковь в бедной деревеньке на склоне горы, обращенном к Толедо.

Они были счастливы.

По прошествии нескольких месяцев обе женщины разрешились от бремени одна вскоре после другой.

Пакита первая произвела на свет крепкого мальчугана.

Через две недели Мария Долорес сделалась матерью прелестной девочки.

Пакита пожелала кормить обоих детей; она не сумела бы сказать, какого из малюток любила больше – своего собственного или ребенка госпожи.

На следующий год картина повторилась в точности. Опять Пакита родила первая и так же была кормилицей обоих детей.

Жена ньо Сантьяго, так как под этим именем ему – по важным, надо полагать, причинам – заблагорассудилось скрываться, донья Мария Долорес, оттого ли, что чистый и свежий воздух гор пошел ей на пользу, или тихое счастье, которое она вкушала, притупило в ней тайное горе, мало-помалу окрепла, расцвела здоровьем и никогда не чувствовала себя бодрее.

Теперь же она имела приятнейшее развлечение, очаровательное для матери занятие – заботу о детях.

Девочки были прездоровые; с утра до ночи раздавался в саду, словно пение птиц, их звонкий и серебристый смех. Девочки и мальчики играли под бдительным надзором матерей, которые глядели на них с улыбкой.

Отец Санчес, бедный священник деревенской церкви, о которой упомянуто выше, молодой человек, полный веры, ума и доброты, взялся быть наставником детей и три раза в неделю приходил давать им уроки.

Это были веселые дни для маленькой колонии. Иногда достойный пастырь даже оставался на ночь.

На другое утро все провожали его до ущелья, которым кончалась долина, и глядели ему вслед, пока он не скроется из виду в извилинах горной тропы.

«Дворяне Толедских гор», как пышно величали себя обитавшие в горах разбойники, были люди, по своей природе не слишком обремененные совестью. Не питая никаких предубеждений, они абсолютно не уважали жизни ближнего. Сперва они с неудовольствием глядели на водворение чужого человека по соседству с их недоступными убежищами. Первая мысль, которая пришла им в голову, как вполне логичная с точки зрения их личного интереса была та, что они имеют дело со шпионом.

Вследствие такого предположения они решились неустанно наблюдать за ним и безжалостно убить при первом же подозрительном действии с его стороны.

Наблюдение длилось целый год.

Достойные «горные дворяне», которые с утра до ночи не теряли лесника из виду, пришли по истечении этого долгого срока к такому заключению, что чужеземец нисколько о них не думает; они решили, что он нравственно больной, мизантроп, который удалился от подобных себе, словно от чумы, бежав в глубину лесов, чтобы жить вдали от людей, вероятно, ему ненавистных.

Тогда всякое наблюдение прекратилось.

Бандиты не только перестали наблюдать за ним, но и сочли долгом чести не стеснять такого мирного и безвредного соседа; они расступились направо и налево на несколько миль, предоставив ему полное владение его пустынной обителью.

Лесник прекрасно видел проделки своих соседей, «горных дворян», но из опасения напугать их прикидывался будто ничего не замечает.

Позднее редкие, но абсолютно без всякой натяжки отношения понемногу завязались между двумя договаривающимися сторонами, по мере того как этого требовали необходимость или случай.

Например, не раз доводилось бандиту, которого преследовали, искать убежища в горном домике, и никогда он не встречал отказа. Однажды раненый разбойник получил приют, был перевязан и вылечен в семействе лесника, который, со своей стороны, однако, никогда не имел надобности прибегать за чем бы то ни было к своим соседям.

Из всего этого выходило, что настоящим королем Толедских гор оказался лесник и что невидимое, но бдительное и преданное покровительство постоянно охраняло его самого и его семейство.

Горе тому, кто в недобрый час поддался бы искушению и осмелился нанести малейший вред леснику или его близким! Он не замедлил бы поплатиться жизнью за такой проступок.

Когда дочери ньо Сантьяго подросли настолько, что могли сопровождать отца и даже часто по прихоти, точно дикие лани, одни бегали по горам со своими молочными братьями одних с ними лет, это невидимое покровительство усилило свою бдительность, и никогда молодым девушкам не приходилось раскаиваться в своей смелости.

Когда в воскресенье маленькая колония долины отправлялась к обедне в деревушку на склоне горы, домик с отворенными окнами и отпертыми дверями стерегли одни собаки, и защищался он своей слабостью гораздо вернее, чем сильным гарнизоном.

Если случайно мимо проходил бандит, голодный или испытывающий жажду, он входил, чтобы перекусить и выпить рюмку вина, после чего продолжал путь, поставив все на место и приласкав собак, которые провожали его, виляя хвостами, до садовой калитки.

Вот каков был или по крайней мере каким казался человек, которого читатель теперь знает как владельца деревянного домика и что про него говорили.

К тому дню, когда начинается наш правдивый рассказ, прошло шестнадцать тихих и безмятежных лет.

Кончив завтрак, ньо Сантьяго скрутил сигаретку, но вместо того чтобы пойти наверх в свою комнату для полуденного отдыха, как делал обыкновенно, он снова надел снятые сапоги, вскинул ружье на плечо и свистнул собак.

– Ты уходишь, Луис? – спросила его жена.

Она никак не могла привыкнуть называть его другим именем.

– Да, – ответил он, – я видел следы кабана; мне хотелось попробовать отыскать то место, где он залег. Это старый кабан, которого, вероятно, спугнули наши горные соседи. Он, должно быть, укрылся где-то здесь.

– Лучше бы тебе остаться, Луис, – посмотри, небо заволакивает тучами, верно, собирается гроза; ты знаешь, как она страшна в горах.

– О! Раньше вечера она не разразится, а я вернусь часа через два, самое позднее – через три.

– Говорил ли вам, папа, отец Санчес, – сказала Христиана, – что король уже несколько дней как прибыл в Толедо?

– Говорил, крошка, да нам-то какое дело?

– Правда, но Хуанито уверял, будто слышал сегодня утром звук охотничьего рога в горах.

– Он не ошибся, крошка; я тоже слышал его.

– Ах! – вскричала донья Долорес. – Уже не двор ли выехал на охоту? Упаси нас Господи, чтобы сюда случайно не заехал сбившийся с пути охотник!

– Да нам-то что до этого, моя возлюбленная? Разве мы здесь не дома?

– Разумеется, но...

– Отбрось эти опасения, жена, мы здесь в большей безопасности, чем в севильском Алькасар⁶, к тому же я не думаю, чтобы двор охотился сегодня, мы, вероятно, слышали звуки рога наших соседей, они смелые охотники, как тебе известно; нет дичи, на которую они бы не пошли, – заключил он, смеясь. – Ну, до свидания!

– Не запаздывай, Луис, умоляю тебя! Сама не знаю, отчего мне сегодня так тяжело расстаться с тобой. Все время, пока ты не вернешься, я буду в смертельной тоске.

– Обещаю тебе, если не встретится чего-нибудь совершенно непредвиденного, вернуться до захода солнца; и тем вернее я буду дома, что в воздухе действительно пахнет грозой.

Он обнял жену и детей, свистнул собак, вышел из дома и быстрым шагом направился в сторону гор.

Охотники, однако, самые забывчивые люди на свете; стоит им напасть на след дичи, и они уже ни о чем больше не вспоминают.

Часы проходили; разыскивая следы зверя в чаще леса, лесник ни разу не подумал о возвращении домой.

Он неоднократно слышал, как трубил охотничий рог, но не обращал на это внимания. Он думал только о кабане и чувствовал сильную досаду, что никак не может увидеть его.

Давно уже зашло солнце, стало смеркаться, и с приближением ночи над горами нависла гроза.

Уже несколько раз беловатая молния пробежала по небу, глухо рокотал гром, и вдруг пошел дождь, мелкий, частый и необычайно сильный. Совсем стемнело.

Тут лесник вспомнил, что обещал жене вернуться до захода солнца; хотя и с опозданием, он, однако, поспешил исполнить данное слово.

Несмотря на мрак, он так хорошо знал местность, что не боялся сбиться с пути.

Итак, он шел со всей быстротой, какую допускала горная тропинка, когда сопровождавшие его собаки вдруг громко залаяли и невдалеке ему послышался звон оружия.

Не долго думая, он пустил собак по следу и бегом кинулся за ними.

Вскоре он вышел на узкую прогалину, среди которой спешившийся всадник, прикрываясь убитой лошадью, отчаянно оборонялся против шести разбойников, которые все разом нападали на него.

Насколько мог судить лесник при свете молнии, всадник, весь в черном бархате, был благородного вида, бледный и худощавый, молодой человек, на наружности которого, правда, немного бесцветной, лежал отпечаток невыразимого изящества и величия.

– Эй вы, молодцы! – крикнул лесник, обнажив свой охотничий нож и одним прыжком став по правую сторону всадника. – В какую же мы тут играем игру?

– Нью Сантьяго! – вскричали нападающие, узнав его голос.

Они отступили на шаг.

Всадник воспользовался минутой отдыха, чтобы перевести дух.

– Однако, приятель, – смеясь воскликнул один из разбойников, – хороший охотник не кидается на помощь зверю, когда тот загнан и осталось только положить его на месте. Дайте нам кончить свое дело; мы вмиг управимся.

– Клянусь Богом, я не допущу этого! – смело вскричал лесник. – Или вы положите на месте и меня вместе с ним!

– Полноте, нью Сантьяго, не вмешивайтесь не в свое дело, что вам до этого человека, которого вы совсем не знаете?

– Он мне ближний, и жизнь его в опасности; этого для меня достаточно, я хочу спасти его.

⁶ Алькасар – крепость, дворец.

– Берегитесь, ньо Сантьяго, у нас в горах есть страшная поговорка: пощадить чужестранца – значит, нажать неумолимого врага.

– Будет то, что угодно Богу, – великодушно ответил лесник, хотя сердце его непроизвольно сжалось от ужаса. – Я стану грудью за этого человека, пусть даже с риском для собственной жизни.

Воцарилось продолжительное молчание.

– Если вы непременно требуете этого, ньо Сантьяго, – ответил наконец один из разбойников, – мы уйдем, так как не хотим отказать вам в первой вашей просьбе; но, повторяю, берегитесь этого человека. Прощайте, ньо Сантьяго, мы остаемся друзьями. Ну, отправляйтесь скорее! – крикнул он своим товарищам.

Глава II. Несколько неприятных часов в Толедских горах

От истощения сил, а, может быть, также от волнения, пережитого во время неравной, храбро вынесенной им борьбы с разбойниками, незнакомец упал на землю и лежал без чувств. Первой заботой лесника было оказать ему помощь и как-нибудь восстановить его силы.

Подобно всем охотникам, ньо Сантьяго всегда носил на поясе флягу с водкой.

Раскупорив ее, он влил несколько капель в рот незнакомцу.

Этого было достаточно, чтобы привести его в чувство. Он приподнялся и с помощью охотника встал на ноги.

– Вы ранены, сеньор? – спросил с участием ньо Сантьяго.

– Не думаю, – ответил тот слабым голосом, – быть может, я и получил рану, но ничего серьезного.

– Слава Богу! Как же, однако, случилось, что я нашел вас в таком критическом положении?

– Сегодня в этих лесах охотился король.

– А!

– Я принадлежу к свите короля, увлекся, гоняясь за зверем, и заплутал в лесу...

– Где на вас напали шестеро разбойников, с которыми одному вам бы не справиться!

– Но Бог послал вас ко мне на помощь.

– Да, – с улыбкой сказал лесник, – кажется, пора было помочь вам.

– Так пора, сеньор, что без вас я был бы теперь уже убит; вам я обязан жизнью и не забуду этого.

– Полноте, стоит ли помнить такую пустяшную услугу! Я сделал для вас то, что готов сделать для каждого.

– Очень может быть, но это только доказывает, что вы человек с благородной душой, что нисколько не уменьшает мою благодарность вам. Я богат, могуществен, имею вес при дворе я многое могу сделать для своего спасителя.

– Забудьте меня, кабальеро, вот все, о чем я вас прошу. Благодарение Богу, я не нуждаюсь ни в чьем покровительстве. Мне достаточно моего небольшого состояния. Я счастлив в своей смиренной доле, всякая перемена только омрачит мой ясный небосклон.

Незнакомец вздохнул.

– Вы, кажется, страдаете? – с живостью вскричал лесник. – Силы ваши истощены усталостью, быть может, голодом! Гроза не утихает; нам нельзя оставаться здесь дольше, необходимо куда-нибудь укрыться. Полагаете ли вы, что отыщете сборное место охоты?

– Не знаю; этот лес и горы мне совсем не знакомы.

– В таком случае вам нельзя идти в эту темь на поиски, это было бы опасно. Чувствуете ли вы себя теперь в силах идти?

– Да, я совсем бодр; дайте мне еще немного водки из вашей фляги, и я оправлюсь окончательно.

Лесник подал ему флягу. Незнакомец выпил глоток и вернул флягу.

– Теперь я готов идти за вами, – сказал он, – куда мы направляемся?

– Ко мне.

– Далеко это?

– Да с милую будет... Только предупреждаю вас, дорога адская.

– Ничего, я привык рыскать по горам днем и ночью.

– Тем лучше. В путь!

– Признаться, и я буду рад поскорее добраться куданибудь; все платье на мне промокло насквозь, и я ооченел от холода.

– Так идем!

Незнакомец наклонился к своей лошади, вынул пистолеты из седельных сумок и заткнул их за пояс.

– Бедный Сайд! – сказал он. – Такое благородное животное и убито презренными разбойниками!

– Не жалуйтесь, сеньор; его смерть спасла вас, дав вам возможность укрыться за его телом.

– Это правда...

Они оставили прогалину и вошли в лес. Несмотря на уверения незнакомца, он только благодаря сверхъестественным усилиям мог следовать за лесником; на каждом шагу он готов был свалиться наземь.

Вскоре ньо Сантьяго заметил, как он слаб, несмотря на его возражения взял его под руку, и они пошли рядом, только немного медленнее.

– Домой, мои красавчики! – крикнул лесник своим собакам. – Домой! Бегите предупредить наших!

Собаки бросились в чащу леса со всех ног, точно поняли, что поручал им хозяин.

Однако Бог положил человеческим силам предел, за который они заходить не могут. При всем невероятном усилии воли незнакомец наконец почувствовал, что даже при помощи лесника не только шага не может дальше ступить, но и просто держаться на ногах.

Со вздохом отчаяния он тяжело опустился к ногам спутника, не в обмороке, но от истощения сил, несмотря на львиную храбрость.

Лесник быстро наклонился к нему, приподнял и усадил, прислонив спиной к стволу упавшего от старости дерева.

Гроза усиливалась с каждой минутой; то и дело сверкали молнии; небо с одного края небосклона до другого казалось громадным огненным шатром зловещего бледно-желтого цвета.

Раскаты грома следовали один за другим неумолкаемо; буря завывала с неистовой яростью, хлеща по ветвям, крутя и ломая деревья, как соломинки, и увлекая их, чтобы кружить в воздухе, продолжая бешено нестись дальше; дождь, уже превратившийся в настоящий ливень, залил дорогу по колено; стремительные потоки с оглушительным ревом падали с горных вершин, унося и опрокидывая все на своем пути, разрушая тропинки и вымывая землю, образуя при этом глубочайшие ямы.

Это величественное выражение Божьего гнева представляло собой зрелище ужасающей красоты.

Будь лесник один, он за несколько минут добрался бы до дома, но ему не хотелось бросать своего спутника, хотя он вовсе не заблуждался относительно опасности их положения; оставаться дольше там, где они находились, было все равно что обречь себя на неизбежную и страшнейшую смерть.

Он наклонился к незнакомцу.

– Взбодритесь, сеньор, – сказал он ему ласковым голосом, каким говорят с детьми и больными.

– Не бодрости мне недостает, сеньор, – возразил тот, – мои силы вконец истощены – я и пальцем не могу пошевелить.

– Попробуйте встать.

– Напрасно было бы, холод леденит меня; он проник мне в сердце; я словно параличом разбит.

– Что делать? – пробормотал лесник, в отчаянии ломая руки.

Это был человек с прекрасной и благородной душой, из тех избранных натур, решительных и энергичных, которые до последнего вздоха борются с неодолимыми преградами и сдаются только мертвые.

– Бросьте меня, сеньор, – сказал незнакомец голосом, который явно слабел, – не противьтесь долее преследующему меня року; вы сделали все, что только в человеческих силах, чтобы спасти меня, и если вам не удалось, то только потому, что мне суждено умереть.

– Ах! Если вы поддаетесь отчаянию, то мы погибли! – вскричал Сантьяго в смятении.

– Я не отчаиваюсь, мой друг, мой спаситель, я просто смиряюсь перед волей судьбы! Я уповаю на Божье милосердие! Я чувствую, что скоро пробьет мой последний час; Господь простит мне, я надеюсь, грехи за мое искреннее раскаяние и покорность Его грозному приговору.

– Все пустяки, сеньор! Господь – да благословенно Его имя! – тут ни при чем. Будьте мужчиной, вставайте! Через десять минут мы достигнем надежного убежища – мой домик находится в двух ружейных выстрелах от этого места, где мы остановились так некстати.

– Нет, сеньор, повторяю, я не в силах сделать ни малейшего движения, я совсем ослабел. Бросьте меня, бегите и спасайтесь сами, пока еще есть возможность.

– Вы жестоко оскорбили бы меня своими словами, сеньор, если бы не находились в таком жалком состоянии.

– Простите, сеньор, протяните мне руку и, умоляю вас, уходите, уходите скорее! Кто знает, не поздно ли будет через минуту? Повторяю вам, все ваши усилия спасти меня будут тщетны, бросьте меня здесь...

– Нет, я не брошу вас, сеньор; мы спасемся или погибнем вместе, клянусь Богом и честью... – он вдруг остановился и поспешно закончил: – ...лесника! Мне не впервые находиться в подобном положении. Взбодритесь, сеньор! Посмотрим, что одержит верх, грубая слепая стихия или венец создания – человек, сотворенный по образу Божию, с умом и волей. Ей-богу, мы спасемся вместе или вместе погибнем! Я понесу вас на плечах, если вы не можете идти сами.

И говоря таким образом с притворной веселостью, лесник, не слушая более возражений незнакомца, поднял его, как ребенка, на свои могучие руки, с легкостью перекинул через плечо и отважно пустился в путь, опираясь на ружье. Он твердо решил скорее пожертвовать жизнью, чем подло бросить того, кого уже спас от смерти так великодушно.

Началась смертельная борьба человеческой воли против безумных, свирепых, будто вырвавшихся на волю слепых сил природы.

Каждый шаг стоил леснику сверхъестественных усилий, особенно из-за той тяжести, что лежала у него на плечах. Он шел, шатаясь, точно пьяный, спотыкаясь, и по колено уходил в вязкую грязь, ежеминутно опасаясь увязнуть в ней с головой. Ветви хлестали и царапали ему лицо, дождь бил в глаза и ослеплял его, от бури захватывало дух и мутилось в голове.

Однако он не унывал и только удваивал усилия; он упорно не бросал своего спутника, теряя и вновь отыскивая дорогу по несколько раз за минуту, среди этого страшного хаоса восстанавливая против него разъяренную стихию.

За полчаса он продвинулся вперед всего на какую-нибудь сотню шагов.

Тут он с ясностью мыслей человека, принявшего непоколебимое решение, хладнокровно подсчитал, что если б он даже не разбился на дне пропасти, не был увлечен потоком или не выбился окончательно из сил – а холодный пот и теперь уже выступал у него на лбу от изнеможения, – ему понадобится ровно семь часов на то, чтобы добраться до дома таким образом, разве только к нему подоспеют на помощь.

– На Божью волю! – прошептал он. – Господь везде и во всем. Да будет то, что решил Он в своей премудрости. Но я не прекращу борьбы, пока есть силы, и буду отстаивать жизнь до последней минуты... но далеко ли до нее?

Он подавил вздох и удвоил усилия, и без того уже невероятные. Прошло еще несколько минут.

Незнакомец неподвижной массой висел на плече лесника и не подавал никаких признаков жизни. Он или умер, или лишился чувств.

Вдруг невдалеке раздался бешеный лай.

Лесник остановился; он несколько раз глубоко вздохнул, перевел дух, и радостная улыбка озарила его мужественное лицо.

– Вот мои славные собаки! – воскликнул он. – Мы спасены!

Он собрал последние силы и крикнул зычным голосом, который перекрыл на мгновение рев и грохот бури:

– Эй, красавчики! Сюда, сюда!

Собаки ответили лаем еще более сильным и вскоре показались в сопровождении двух человек с факелами, которые следовали за ними на некотором расстоянии.

– Слава Господу, вот наконец и вы! – вскричали они почти с благоговейной радостью – так боготворили своего хозяина.

– А это кто? – удивился Педро.

– Человек, которого я спас... Он очень нуждается в помощи, друг мой.

– Сеньора так и думала, что случилось нечто в этом роде, – в сердцах заметил Хуанито.

– Сеньора! Неужели она вышла в такую страшную погоду? – с живостью вскричал Сантьяго.

– Нет, нет, сеньор, не извольте беспокоиться; но и стоило же нам труда удержать ее!

– Достойная, святая женщина! – прошептал лесник.

– Однако, сеньор, отсюда надо поскорее убираться подобру-поздорову.

– Да, да, поспешим; этот несчастный в самом жалком положении.

– Бренная наша жизнь! – пробормотал Хуанито, который отчасти был философом. – Ба-а! После нас хоть трава не расти! – заключил он.

Незнакомца тихонько опустили на землю. Лесник наклонился к нему и пощупал пульс – он был слаб, но ясно прощупывался. Очевидно, несчастный лишился чувств, но не умер.

Лесник весело поднял голову.

– Мы спасем его! – радостно вскричал он.

– Аминь! – отозвались слуги.

– Живее, надо устроить носилки.

– О, это не займет много времени!

– Особенно если тотчас примемся за дело.

Собаки лизали незнакомцу лицо и тихо, жалобно скулили.

Эти ласки привели его в чувство – он открыл глаза.

– Боже мой! – прошептал он. – Я думал, что умер.

– Но, по счастью, ошиблись, – весело ответил лесник.

– Ах! И вы тут, мой спаситель!

– Все тут.

– Вы не бросили меня?

– Бросить вас? Полноте, видно, что вы меня не знаете.

– Вы спасли меня во второй раз!

– И на этот раз окончательно, будьте спокойны.

– Как мне отплатить вам?

– Ничего не может быть легче, я уже говорил вам.

– Не говорите со мной таким тоном!

– Отчего же? Позвольте мне говорить с вами откровенно, чтобы положить конец всякому изъятию благодарности с вашей стороны.

– Говорите.

– Вы воображаете, что я спас вас и затратил столько усилий исключительно только ради вас?

– Для чего же тогда?

– Полноте, вы с ума сошли, сеньор! Я вас не знаю, понятия не имею, кто вы, да и знать не хочу. Я сделал все единственно для себя, из чистейшего эгоизма, для своего удовольствия наконец. Моя страсть – оказывать услуги; это мания, если хотите, как и любая другая. У каждого свой конек; это – мой, вот и все тут.

– Какой вы странный человек!

– Да уж каков есть, не извольте гневаться.

– Вы, должно быть, жестоко страдали, если дошли до того, что холодно излагаете подобные мысли, против которых возмущается даже ваше собственное сердце.

– Кто знает! Быть может да, быть может нет... но теперь речь не о том. Как вы себя чувствуете?

– Лучше, гораздо лучше, я даже думаю, что в состоянии идти.

– Это заблуждение: вы еще слишком слабы, чтобы я согласился на это... Вот и носилки для вас готовы, мы тихонько переложим вас на них и с Богом отправимся в путь.

– О! Могу вас уверить...

– Ничего не хочу слушать, повинуйтесь.

По знаку лесника двое слуг осторожно переложили незнакомца на носилки, потом взяли каждый за один конец и подняли их.

Двинулись в путь.

Собаки уже убежали вперед – вероятно, чтобы дать знать оставшимся в доме о приближении хозяина.

Лесник сказал правду: расстояние до его домика было совсем не велико; они добрались до него менее чем за четверть часа.

Женщины стояли в тревожном ожидании в дверях домика, освещенные факелом, который держала Пакита.

Увидев носилки, донья Мария испустила крик ужаса и бросилась было к ним.

Она подумала, что случилось несчастье с ее мужем.

Но тот, угадав, что происходило в сердце жены, поспешил к ней и крепко обнял ее.

Велика была радость всех членов семейства, когда они опять были вместе после долгих часов мучительного ожидания.

По распоряжению доньи Марии яркий огонь горел в камельке и сухая одежда была приготовлена для пострадавших путников.

Как только слуги внесли в дом носилки, дамы ушли, чтобы дать путникам переодеться.

Незнакомец вскочил на ноги с живостью, которой нельзя было ожидать после полного его изнеможения за несколько минут до этого.

Лесник немедленно приступил к обязанностям сиделки и, даже не сменив своего мокрого платья, поспешил оказать незнакомцу с ловкостью и проворством, удивительными в таком человеке, самые заботливые и нежные попечения.

Раздев его, он велел докрасна растереть ему все тело суконкой, пропитанной водкой, потом сам надел на него теплую и сухую одежду, дал ему укрепляющее средство и усадил в кресло подле пылающего камелька.

– Теперь не трогайтесь с места, пока я не вернусь, – сказал он, – грейтесь; через десять минут вы точно переродитесь, предсказываю вам.

– Клянусь, я чувствую себя отлично.

– Вам сейчас будет еще лучше, и я надеюсь, что вы отдадите должное ужину.

– Ужину? – переспросил незнакомец, улыбаясь.

– Что ж, черт возьми! Разве вы думаете, что мы останемся без ужина? Мы с вами, кажется, умираем с голоду.

– Право не знаю, мой любезный хозяин.

– В котором часу вы ели в последний раз?

– Часов в восемь утра, но что-то голоден не был и едва отведал завтрак.

– Так и есть, вы потеряли силы от недостатка пищи, – не спорьте, ваша частая зевота ясно изобличает страдание желудка! Вы будете есть, повторяю, и с большой охотой.

– Я буду делать то, мой любезный хозяин, что вам угодно.

– Вот это хорошо! Теперь вы благоразумны. Не теряйте терпения в мое отсутствие, я мигом вернусь.

– Здесь вы хозяин. Прошу вас передать дамам мои извинения за беспокойство, которое невольно причинил им, и за хлопоты, которые наделал теперь.

– Вы сами исполните свое поручение, сеньор; вы увидите дам за ужином.

Он сделал знак слугам вынести носилки, взял мокрую одежду незнакомца, чтобы высушить на кухне, и вышел.

Оставшись один, незнакомец осмотрелся вокруг, потом опустил голову на грудь, нахмурил брови и погрузился в глубокую задумчивость.

«Из всей моей свиты, – пробормотал он про себя, – ни один не подумал отыскивать меня! Все они бросили, низко бросили меня, а ведь этих людей я осыпал почестями, богатством! Кто знает, не хотели ли они избавиться от меня? О! Если б я удостоверился в этом! Увы! Я один, всегда один! Никто не любит меня!.. Без этого человека, которого судьба послала мне на помощь, мое мертвое тело лежало бы теперь разбитое на дне какого-нибудь обрыва этих проклятых гор. О Боже, Боже мой!.. Но какое странное обращение у этого человека! Кто он?.. Он не имеет ни малейшего сходства с надушенными марионетками, которых я знал до сих пор. В нем что-то могущественное, благородное, непостижимое для меня. Я узнаю, что это за человек».

Легкий шум заставил его поднять голову. Перед ним стояла прелестная девушка.

Незнакомец хотел приподняться.

– Не вставайте, кабальеро! – с живостью произнесла она нежным и благозвучным голосом. – Извините, что я потревожила вас.

– Я задумался, сеньора, – ответил он с бледной улыбкой, – все, что происходит со мной уже несколько часов, так необычно!.. Господь спас меня и теперь прислал ко мне одного из своих ангелов, да будет благословенно имя Его!

– Это чересчур лестный отзыв о такой скромной девушке, как я, сеньор, – возразила она, краснея.

– Лестный? О нет, сеньорита! Я говорю то, что думаю; разве не обязан я жизнью вашему отцу?

– Это большая радость для нас; папа такой добрый! Но я просила бы вас не беспокоиться, я только пришла накрыть стол для ужина.

– Я не помешаю вам, сеньорита, прошу только об одной милости.

– О милости, сеньор?

– Назовите мне свое имя.

– Меня зовут Христианой... а вот и моя сестра Лусия, – прибавила она, указывая на молодую девушку, которая входила с целой горой посуды.

– Христиана, Лусия... благодарю, сеньорита, я запомню, – ответил гость с глубоким чувством.

В эту минуту в гостиную вошла Мария Долорес и с участием осведомилась о его состоянии.

Незнакомец воспользовался случаем, чтобы выразить ей свою искреннюю признательность и в то же время извиниться за хлопоты, невольно причиненные обитателям этого мирного жилища.

Вмиг стол был накрыт, и на нем появились дымящиеся блюда самого аппетитного вида.

– Сядем скорее за стол, любезный гость, – весело сказал лесник, входя в комнату, – мы с вами, кажется, заслужили хороший ужин; а вы что думаете об этом?

– Я думаю, – возразил с улыбкой незнакомец, – что вы – очаровательнейший эгоист, какого я видал, и семейство у вас прелестное.

– Быть может, вы и правы, но не надо давать ужину остывать.

Все сели за стол; лесник прочел молитву, и все с усердием приступили к давно ожидаемой трапезе.

Случайно незнакомец сидел напротив Христианы. Он не мог поднять глаз, чтобы не встретиться взглядом с молодой девушкой.

По-видимому, он совсем оправился; увлеченный примером других, он прогнал мысли, которые печалили его, и выказал себя таким, каков был на самом деле, то есть веселым, остроумным, приятнейшим собеседником с манерами человека высшего круга. С бодростью к нему вернулся и аппетит.

Ужин оживлялся веселыми шутками лесника, который хотя и не показывал, но в душе был очень рад, что спас жизнь такому благородному человеку, каким казался его гость.

Незнакомец встал из-за стола совсем другим человеком, нежели сел за него.

Он не знал, чему приписать такую счастливую перемену, которая изумляла его самого.

Он с изысканной вежливостью простился с дамами, и хозяин проводил его в комнату на нижнем этаже, приготовленную для него.

В камине горел огонь; одежда незнакомца сушилась, разложенная на стульях.

Лесник пожал руку незнакомцу и ушел, пожелав ему доброй ночи.

С этим человеком несчастье вошло в скромный домик, где в течение стольких лет царили мир и спокойствие.

Глава III. Как несчастье входит в дом

Грозы в горах редко бывают продолжительны. Разбушевавшаяся стихия за несколько часов истощает свою неистовую ярость, и все вокруг быстро приходит в обычное, так внезапно нарушенное равновесие. На другое утро светило яркое солнце, в воздухе стояла тишина, небо было голубое, утренний ветерок слегка шелестел ветвями, усыпанными росинками, и распространял острый, но благовонный запах, который издает земля после бури.

На рассвете лесник давно уже был на ногах. Он вышел на порог своего дома и с удовольствием огляделся вокруг, потом направился к конуре, вероятно, с намерением дать свободу своим собакам, которые, почуяв приближение хозяина, наперебой приветствовали его громким лаем.

В ту же минуту отворилось окно. Лесник обернулся и увидел незнакомца, который дружески кланялся ему.

– Уже встали? – весело осведомился ньо Сантьяго.

– Как видите, любезный хозяин, – ответил тем же тоном гость. – И как видите, совсем уже одет.

– Уж не плохо ли вы спали чего доброго?

– Я-то? До утра не просыпался.

– Это хорошо! И как вы себя чувствуете?

– Никогда не бывал бодрее.

– Тем лучше.

– Вы идете куда-нибудь?

– Да, собираюсь... а что?

– Я желал бы поговорить с вами.

– Кто же вам мешает? Хотите, я зайду к вам?

– Нет, лучше я выйду, если вам все равно.

– Как знаете. Я вас жду.

Пока незнакомец затворял окно, лесник отпер конуру и не знал, как отделаться от чересчур горячих ласк собак, которые от радости, что видят его, прыгали ему чуть не на плечи.

– Славные животные, – заметил незнакомец.

– По крайней мере они искренни; их привязанность вознаграждает меня за лицемерие и людскую злобу, – заметил лесник с насмешливой улыбкой.

– Все те же странные речи!

– Почему же мне так не говорить, если это мои мысли, мой любезный гость?

– Так я повторю вам, что вы, должно быть, много страдали, если дошли до такого состояния духа.

– А я отвечу вам, как вчера: кто знает?.. Но оставим этот разговор, который завел бы нас далеко. Вы желали переговорить со мной?

– Действительно.

– Ничего легче быть не может. Я беру ружье и даю вам другое; в ожидании завтрака мы настреляем рябчиков и на охоте потолкуем, согласны?

– Очень хотел бы, но, к несчастью, это невозможно, – с подавленным вздохом сказал незнакомец.

– Как невозможно? Почему же? Разве вы еще чувствуете утомление? В таком случае я, разумеется, настаивать не стану.

– Нет, – покачав головой, возразил незнакомец, – нет, дело вовсе не в этом.

– В чем же тогда?

– Я должен покинуть вас.

– Уже? Полноте! Вы, должно быть, шутите.

– Нет, любезный хозяин, к несчастью, не шучу. Я уже говорил вам, что принадлежу ко двору; мои обязанности требуют моего немедленного возвращения в Толедо к королю.

– Правда, я и забыл про это, не стану настаивать более, мой любезный гость. Войдем в дом, я велю подать вам чашку горячего молока и кусок хлеба, а там – с Богом, и в путь.

В ту минуту, когда они вошли, Христиана с сестрой, как бы угадав, зачем мужчины вернулись в дом, ставили на стол чашки с горячим молоком, от которых поднимался густой пар.

– Эти прелестные дети – две очаровательные волшебницы, – сказал, улыбаясь, незнакомец.

– Это просто добрые девушки, – резко заметил лесник.

И он прошел в другую комнату.

– Позвольте мне, сеньориты, – обратился тогда незнакомец к молодым девушкам, но более к Христиане, – поблагодарить вас еще раз за все внимание ко мне, пока я имел счастье находиться под вашим кровом; я ухожу.

– Уходите? – вскричала Христиана, но вдруг остановилась, покраснела и в смущении опустила голову.

– Увы! Это необходимо, – ответил он с чувством, – и, быть может, навсегда.

– Навсегда! – прошептала молодая девушка почти невольно.

– Но, – продолжал незнакомец, – я сохраню в сердце дорогую память о вашем... – и, тотчас спохватившись, договорил, – о жителях этого дома.

– Аминь! – заключил лесник, который в эту минуту показался в дверях.

Девушки убежали, точно испуганные голубки.

– Теперь пора и в путь, – сказал лесник, когда выпил чашку молока, приготовленную для него, и увидел, что незнакомец также кончил свою порцию.

Нью Сантьяго взял ружье, и они вышли в сопровождении собак, прыгавших вокруг них.

У калитки сада стоял Педро, держа оседланную лошадь под уздцы.

– Садитесь на лошадь, любезный гость, – весело сказал лесник.

– Как?

– Да ведь вы в шести милях от Толедо! Такой ходок, как вы, пешком не доберется за целые сутки, а верхом вы будете на месте как раз к выходу короля, если его величество – да хранит его Господь! – имеет привычку вставать рано.

– Да, это правда.

– Ну, теперь еще нет и шести. В восемь вы будете в Толедо, не особенно спеша. Полноте, не стесняйтесь со мной, мой любезный гость, и примите мое предложение.

– Принимаю, но с условием.

– Каким?

– Что вы позволите мне самому привести к вам назад вашу лошадь.

– Я не вижу к тому никаких препятствий.

– Так решено, благодарю вас... Но где же донья Мария?

– Торопитесь с отъездом; она спит, вы увидите ее, когда вернетесь.

Они отправились вместе, потому что лесник непременно хотел проводить своего гостя до входа в долину, чтоб указать ему дорогу, и тот принял эту услугу с признательностью.

Если бы незнакомец оглянулся в минуту отъезда, быть может, он увидел бы приподнятую занавеску в окне второго этажа и очаровательную белокурую головку, немного бледную, но с мечтательной улыбкой на алых губках.

Это Христиана, невидимая и задумчивая, присутствовала при отъезде незнакомца.

Во время пути мужчины разговаривали между собой о посторонних вещах. Когда они достигли того места, где надлежало расстаться, лесник указал незнакомцу направление, которого тот должен был держаться; впрочем, в нем трудно было ошибиться, необходимо было только все время ехать под гору.

– Теперь прощайте, мой любезный гость. Доброго пути!

– Прощайте и еще раз благодарю.

– Полноте!

– Одно слово!

– Что такое?

– Я один из первых сановников при короле.

– Очень рад за вас, если это вам приятно.

– Если бы, несмотря на свое желание, я был вынужден долго оставаться в отсутствии и... ведь неизвестно, что может случиться, не так ли?

– Так, но что же из этого?

– На случай, если бы вам понадобилась моя поддержка в чем бы то ни было, обращайтесь прямо в королевский дворец, назовите себя и спросите дон Фелипе.

– Кто этот дон Фелипе?

– Я, – улыбаясь, ответил незнакомец.

– Гм! Вы, должно быть, очень известны, если достаточно назвать вас по имени при большом дворе, который кишмя кишит звонкими титулами.

– Я действительно очень известен, – ответил незнакомец, слегка покраснев, – вы удостоверитесь в этом сами, если навестите меня. Сегодня же будет отдано приказание, чтобы вас тотчас провели ко мне, в какое бы время вам ни заблагорассудилось приехать. Вы не забудете?

– Как можно? Но маловероятно, чтобы я стал отыскивать вас при дворе; если вы желаете видаться со мной, вернее будет вам приехать сюда.

– И я, в свою очередь, запомню это. До свидания, любезный хозяин.

– До свидания, сеньор дон Фелипе; поручаю вам мою лошадь.

– Будьте спокойны, я поберегу ее.

Они еще раз махнули друг другу рукой на прощание, и дон Фелипе, так как это было имя незнакомца, ускакал прочь.

С минуту лесник следил за ним взглядом, после чего вернулся в долину. Стая куропаток поднялась перед ним, и он весело занялся охотой.

Прошло несколько дней. Ничто, по-видимому, не изменилось в мирной и тихой жизни обитателей лесного домика, однако теперь уже было не то, что прежде: донья Мария имела вид озабоченный, Христиана задумчивый, Лусия больше не смеялась, что же касается ньо Сантьяго, то он напрасно ломал себе голову, отыскивая причину всему этому, и страшно сердился, что не находит ее.

По прошествии десяти дней однажды за завтраком лесник вдруг спросил Педро, который стоял за его стулом:

– Давно ты имел известие о сыновьях?

– Довольно давно, сеньор.

– Где они?

– Старший, Мигель, пошел в моряки, как я вам докладывал, сеньор; он отправился из Байоны по морям-океанам.

– А другой?

– Перико?

– Ну да.

– Он на родине, как вам известно, сеньор, у наших родителей.

– Видно, не хочет быть моряком?

– О! Это истый горец! Я ждал от него письма и удивляюсь, что до сих пор не получил.

– Постой, завтра я поеду в Толедо и справлюсь; можешь быть спокоен.

– Благодарю, сеньор.

– Кстати, мне хочется узнать, что случилось с моей лошадью – кажется, этот дон Фелипе не церемонится со мной.

– Разве с друзьями церемонятся? – раздался тихий голос в дверях.

Все с изумлением обернулись. Женщины едва удержались, чтобы не вскрикнуть от испуга.

Дон Фелипе стоял на пороге, спокойный, улыбающийся, со шляпой в руке.

Он низко поклонился.

– Привет и доброго здоровья всем! – сказал он.

– Ей-богу! Вы не могли явиться более кстати, дон Фелипе! – вскричал лесник. – Я как раз поминал вас.

– Слышал, – с улыбкой ответил тот.

– Мы только что сели за стол; милости просим позавтракать с нами. Педро, прибор.

– С удовольствием принимаю приглашение.

И гость сел между двумя девушками, которые, как бы по безмолвному соглашению, раздвинули свои стулья, чтобы дать ему место.

– Я привел назад вашу лошадь, любезный хозяин, – сказал дон Фелипе, как только сел, – не беспокойтесь о ней; я попросил бы моего друга Педро отвести ее на конюшню вместе с моей.

– А где же лошади, сеньор? – спросил ньо Сантьяго.

– Мой слуга держит их у калитки сада.

– Педро, – приказал лесник, – позаботься о слуге этого сеньора.

Педро поклонился и немедленно вышел.

Веселость и оживление, так давно исчезнувшие из дома, точно вернулись вместе с гостем.

Губы улыбались, глаза блистали, разговор был оживлен. Дон Фелипе очаровывал остроумием и веселостью. Он говорил про Толедо, про двор и вельмож, окружавших короля, как человек, посвященный во все тайны придворного быта; он ловко передавал забавные анекдоты, словом, добродушно-свободным обращением, которое никогда не переступало границ приличия и хорошего вкуса, и слегка насмешливым, но всегда утонченным умом приводил в восторг своих слушателей, которые все время находились под обаянием его живой, меткой и увлекательной речи.

Часы летели, словно минуты.

Но в конце концов пришла пора расставаться, хотя дону Фелипе, по-видимому, так нравилось это милое семейство, что он всячески отдалаял минуту отъезда.

В три часа, однако, ему необходимо было уехать; его звание обязывало его прибыть ко двору не позднее шести часов.

Итак, он отправился в путь, дав слово опять приехать, и хозяева усердно просили его не забывать своего обещания.

Дон Фелипе вернулся опять. Сперва он приезжал раз в неделю, потом по два раза и, наконец, ежедневно.

С каждым разом его посещения становились продолжительнее; казалось, ему стоило большого труда отрываться даже на несколько часов от своих новых друзей.

Они же, со своей стороны, питали к нему искреннюю и глубокую привязанность.

Надо отдать дону Фелипе справедливость, что он делал все на свете, дабы угождать всем и каждому.

Он охотился с лесником, беседовал о духовных предметах с доньей Марией, которая была чрезвычайно набожна, смеялся, пел, играл и бегал с молодыми девушками, был щедр и обходителен со слугами и даже искал дружбы собак, кормя их пряниками.

Чего же больше?

Однажды дон Фелипе объявил, что не появится целых три дня по непредвиденному случаю. Его величество король Филипп IV должен был принять посланника французского короля, прибывшего в Толедо накануне. Хотя двор изначально переехал в город всего на несколько дней, он словно окончательно основал тут свое пребывание; по крайней мере уже целых пять месяцев король испанский жил в Алькасаре – дворце мавританских владык.

Не знали, чему приписать это внезапное расположение короля к Толедо, но жители провинции, равно как и города, оставались очень довольны продолжительным пребыванием двора, так как оно оживляло торговлю и вдобавок ко всему принесло ту выгоду, что Толедские горы избавились от разбойников, до тех пор процветавших там в полной безнаказанности, нанося большой ущерб мирным городским и окрестным жителям.

На другой же день после охоты, о которой мы упоминали, несколько отрядов войска обложили гору, а другие в то же время изъездили весь лес вдоль и поперек. Разбойники были захвачены все до одного и вздернуты на виселицу без дальних околичностей.

Итак, дон Фелипе уехал, объявив, к огорчению всего семейства лесника, что визит французского посланника задержит его на целых три дня, но на четвертый день он прискачет во весь дух к своим добрым друзьям.

Прошло двое суток. Утром на третий день отец Санчес, достойный наставник молодых девушек и преданный друг семейства, сходил со своего мула у садовой калитки. Все кинулись к нему навстречу, однако добрый пастырь казался печален и озабочен.

В то время это был человек лет тридцати пяти, со строгим лицом и величавой речью, преждевременно состарившийся от перенесенных мук и страданий – как душевных, так и телесных.

Посещение священника в этот день вовсе не входило в его привычки – уже с год он не проводил занятий с молоденькими девушками, образование которых было закончено; раза два-три в месяц, никак не более, он приезжал, чтобы провести несколько часов в семействе лесника, а между тем не прошло и пяти дней со времени последнего посещения достойного пастыря. Дамы очень обрадовались ему, однако не знали, чему приписать посещение отца Санчеса, образ жизни которого был по преимуществу точный и определенный.

Пожимая руку хозяина, священник шепнул ему:

– Найдите предлог, чтобы нам остаться наедине, мне нужно переговорить с вами о важном деле.

– Знаете что, отец Санчес, – громко ответил ему ньо Сантьяго, – ведь еще рано, чтобы запираться с дамами, не лучше ли вам пройтись со мной по долине? Дичи теперь бездна, быть может, мы и подстрелим кое-что к обеду.

– Вы – пожалуй, любезный сеньор, только не я! Ведь я никогда не охочусь, как вам известно, – возразил пастырь с кроткой улыбкой, – однако, если вы желаете, я охотно пойду с вами; мне будет полезно размяться после долгой дороги верхом.

– Идите, сеньор падре, – сказала донья Мария, – но не задерживайтесь надолго! В особенности не давайте мужу завлечь вас далеко; помните, что мы ждем вас с нетерпением.

– Мы вернемся не позднее чем через час, не так ли, ньо Сантьяго?

– Когда вам будет угодно, сеньор падре.

– Вот это умно сказано, – похвалила донья Мария, – желаю удовольствия, господа.

Мужчины ушли. Пока их можно было видеть из дома, они говорили исключительно о посторонних предметах, но после нескольких поворотов они достигли густого леса, под

сенью которого, внимательно наблюдая, что происходит вокруг, могли беседовать, не боясь, чтобы их подслушали или застигли врасплох.

Лесник растянулся на траве и знаком предложил священнику располагаться возле него; собакам он велел сторожить.

– Ну, отец Санчес, теперь я готов слушать, – сказал он, – что вы хотите мне сообщить, мой добрый старый друг?

– Я только хочу рассказать вам одну историю, – ответил священник своим приятным голосом.

– Историю?

– Да, друг мой, – с тонкой улыбкой подтвердил отец Санчес, – разумеется, вы вольны извлечь из нее заключение, какое найдете нужным.

– Ага! Очень хорошо понимаю, сеньор падре! Говорите же, я вас слушаю.

– Итак, друг мой, – начал пастырь, – жил-был некогда великий испанский король по имени Филипп, не помню – первый ли, второй, третий или четвертый по порядку престолонаследия.

– Не суть важно, сеньор падре, продолжайте. Итак, вы говорите?..

– Я говорю, что король этот Филипп – который именно, ровно ничего не значит в этом деле – был охотник путешествовать, и разъезжал он, если верить хронике...

– Не «Современной хронике» Тюриена⁷, надеюсь?

– Я боюсь, что именно ей; итак, разъезжал король единственно для того, чтобы избавиться от докучливости своего первого министра, которого он ненавидел, однако последний был настолько всемогущ, что иначе его величество не мог спастись от него. Вышеупомянутый король прибыл однажды в добрый свой город Кордову.

– Или Толедо, – посмеиваясь, подсказал лесник.

– Что вы хотите сказать, друг мой? – вскричал священник, слегка вздрогнув.

– Ровно ничего! Продолжайте, пожалуйста, эта история в высшей степени заинтересовала меня.

– Слушайте же. Итак, по прибытии в Кордову... или Толедо, как вам будет угодно...

– Я предпочитаю Толедо.

– Скажем, в Толедо... Поблизости от города есть горы, богатые дичью. Тотчас устроили охоту для двора. К несчастью, король так увлекся новым для него наслаждением почти неограниченной свободы, что потерял охоту из вида.

– Бедный король!

– Разумеется, бедный король, потому что проплутал долго и никак не мог отыскать своей свиты. Совсем стемнело, разразилась страшная гроза, и, как бы в довершение всех бед, обрушившихся на несчастного венценосца, его жестокое положение усложнилось...

– Нападением шести разбойников, которые внезапно, как из-под земли, выросли перед ним, – перебил лесник. – Они разом накинулись на него, убили его лошадь, и не подоспей к нему вовремя на помощь другой запоздавший охотник, король Филипп, без сомнения, был бы убит! Теперь рассказывайте, пожалуйста, дальше.

– Разве вы знаете эту историю?

– В основных чертах, как видите, но о подробностях я не имею понятия, а, собственно, они-то и должны быть интересны. Итак, продолжайте.

– Что ж мне говорить вам, друг мой? Охотник избавил короля от разбойников и спас его с риском для собственной жизни от ужасного урагана в горах; словом, преданность его королю, которого он не знал, была безусловна, великодушна, самоотверженна и без всякой затаенной мысли. Он привел короля в свой дом и оказал ему сердечное радушие. Король

⁷ Ришар Тюриен – французский историк XVI в. – *Примеч. автора.*

увидел его дочерей – у охотника были две очаровательные дочери, души чистой и простой, прямой и невинной.

– Довольно, довольно! – вдруг воскликнул лесник, лицо которого помертвело. – Которую полюбил он?

– Христиану!

– Любимую мою! – пробормотал лесник. – Но она не любит его! – вскричал он с внезапным порывом.

– Любит! – спокойно ответил пастырь.

– О, низость людская! – воскликнул с отчаянием лесник. – Человек, которому я спас жизнь, король, которого я видел еле дышащим у своих ног, которого спас, рискуя погибнуть сам, – вот какую награду готовил он мне! О, это ужасно! Все они одинаковы, эти тираны, для которых нет иного закона, кроме их чудовищных прихотей!

– Успокойтесь, любезный друг, ради Бога!

– Мне успокоиться?! – вскричал ньо Сантьяго вне себя. – А вы-то сами, служитель Бога, по какому праву приходите вы рассказывать мне эту страшную историю? Разве она теперь известна всем? Разве честь моего имени отдана на всеобщее посмеяние?

– Я рассказал вам ее, сеньор, – холодно возразил священник, – потому что все может быть исправлено, а дочь ваша – еще чистый, невинный, святой ребенок! Вы можете бежать и таким образом оградить ее от преследований короля.

– Бежать? Мне?! – вскричал лесник в порыве гнева. – Видно, вы не знаете меня, сеньор падре, я рожден для борьбы! Клянусь Богом! Я, напротив, неуклонно стану грудью против бури.

– Берегитесь, мой друг, проиграете!

– Сеньор падре, – сказал ньо Сантьяго с леденящим холодом, – вы искренне мне преданы, раз не побоялись поставить вашу жизнь на кон, рассказав мне эту чудовищную историю. От всей души благодарю вас, потому что вы, не колеблясь, указали мне бездну. Мало людей на вашем месте были бы способны на такой подвиг дружбы... Вашу руку! Я люблю вас – о! – люблю глубоко, вы доказали, что вы мне истинный друг. Выслушайте же меня. Завтра рано утром сюда прискачет этот гнусный король, этот венценосный соблазнитель, который подлой изменой платит мне за мою великодушную самоотверженность. Дайте мне честное слово быть здесь завтра ровно в полдень. Обещаете?

– Что вы намерены делать?

– Это мое дело... Но успокойтесь – месть моя, если я буду мстить, будет благородная и достойная!

– Обещаю, но с условием.

– Нет, друг мой, без всякого условия.

– Пусть будет так, если это необходимо, я полагаюсь на вашу честь.

– Благодарю!.. Теперь ни слова более. Вернемся, нас ждут. Смотрите только, не выдайте как-нибудь того, что произошло между нами. Глаза любви зорки!

– Будьте спокойны, друг мой. Для большей верности я уеду тотчас после завтрака.

– Вы хорошо сделаете, это правда, но завтра не забудьте...

– Ровно в полдень я буду здесь, я дал честное слово!

Они встали, вышли из лесу и, не торопясь, вернулись к домику. Дорогой лесник настроил рябчиков. Итак, он ходил на охоту, ровно ничего более.

Глава IV. Где доказывается, что ни богатство, ни величие не составляют счастья

На другое утро, часам к десяти, дон Фелипе, не подозревая, какой прием готовит ему лесник, подъезжал к его домику с сияющим лицом. Лошадь, вся в пене, доказывала, с какой быстротой он мчался.

Он остановил ее у садовой калитки, соскочил наземь, бросил поводья слуге, который был с ним, взял под мышку из его рук большой красный сафьяновый портфель, который запирался на ключ, и большими шагами направился к домику, где на пороге неподвижно стоял лесник.

– Вот и я, любезный друг! – сказал он, протягивая руку леснику.

– Я ждал вас, дон Фелипе, – ответил тот, сделав шаг назад и не взяв протянутой ему руки.

Дон Фелипе этого движения не заметил или не придавал ему значения.

– Все у вас здоровы? – продолжал он. – Мне кажется, будто я целый век не был здесь.

– Все здоровы, сеньор.

– Слава Богу! Я не мог дожидаться минуты, когда мы увидимся.

– И я также, сеньор, – ответил лесник глухим голосом. Теперь холодный прием невольно бросился дону Фелипе в глаза.

– Что с вами, друг мой? – спросил он с участием. – Вы мне кажетесь печальным, озабоченным, уж не приключилось ли у вас какого горя?

– Действительно, горе есть, сеньор, почему и прошу извинить меня. Я желал бы переговорить с вами, дон Фелипе, о важном деле; удостойте меня несколькими минутами разговора с глазу на глаз.

– С величайшим удовольствием, – весело ответил дон Фелипе, похлопывая по портфелю, который держал, – и мне надо переговорить с вами о важном деле.

– Важном для меня?

– Для кого же еще?

– Я не понимаю, какое это дело.

– Быть может, – лукаво заметил дон Фелипе, – мое дело и ваше – в сущности, одно и то же.

– Сомневаюсь, – пробормотал лесник, нахмутив брови.

– Мы будем беседовать здесь?

– Нет, это общая комната, здесь все проходят; лучше пойдемте ко мне.

– Как хотите, любезный друг.

Лесник прошел вперед и поднялся по лестнице, между тем как дон Фелипе следовал за ним.

К своему изумлению, гость заметил, что дамы не показывались, тогда как прежде этого не случилось никогда.

Лесник был как будто совершенно один в своем домике.

Наверху он отворил дверь, посторонился, чтобы пропустить дону Фелипе, и вошел вслед за ним, тщательно затворив за собой дверь, потом быстро надел на голову шляпу, которую все время держал в руках, выпрямился и надменно сказал гостю:

– Мы теперь наедине и можем объясниться.

– По-видимому, кузен, – улыбаясь, ответил дон Фелипе, – вам угодно наконец вспомнить, что вы – испанский гранд первого ранга и имеете право стоять перед королем в шляпе. Я очень рад этому за вас и за себя.

– Что это значит? – вскричал лесник, оторопев.

– Это значит, что я – Филипп Четвертый, король Испании и Индии, а вы – дон Луис де Торменар, граф Тулузский и герцог Бискайский. Разве я ошибаюсь, кузен?

– Ваше величество! – пробормотал дон Луис в страшном волнении.

– Выслушайте же меня, – с живостью продолжал король, ласково улыбаясь, – вы спасли меня, рискуя собственной жизнью. Я хотел узнать, кто вы однако, упорно оставаясь непризнанным, вы отказывались от всех моих даров, отклоняли все мои предложения. Такое упрямство подзадоривало меня: во что бы то ни стало хотел я знать о вас – и узнал! Герцог, мой покойный отец, король Филипп Третий, обманутый ложными наветами и легко поверив клевете ваших врагов, был жесток, неумолим к вам, я даже прибавил бы – несправедлив, если бы не говорил про отца, теперь уже находящегося на небе, в царстве Отца Небесного. Следовало исправить вопиющую несправедливость – я исполнил это. Ваше дело было пересмотрено в Верховном суде, приговор над вами отменен, честь ваша восстановлена в былом блеске. Теперь, кузен, вы действительно дон Луис де Торменар, граф Тулузский, маркиз Сан-Себастьянский, герцог Бискайский; состояние ваше возвращено вам, позор снят с вашего имени, враги ваши наказаны!.. Довольны ли вы?

И он протянул ему руку.

Совсем растерявшись под влиянием тысячи разнородных чувств, нахлынувших на него, дон Луис преклонил колени и хотел поцеловать руку, которая так великодушно возвращала ему все, чего он был лишен, но король не допустил этого, он удержал его, привлек к себе и заключил в объятия.

– О, ваше величество! – вскричал герцог, и рыдание вырвалось из его груди. – Зачем надо...

– Пойдите, кузен, – мягко прервал его король, – ведь я еще не закончил.

– Боже мой! С какой целью все это было сделано? – пробормотал герцог глухим голосом.

– Увидите.

– Я слушаю, ваше величество.

– Я буду говорить откровенно; принятый как друг, почти как сын в вашей благородной семье, я не мог не полюбить Христианы.

– А! – вскричал дон Луис, бледнея.

– Да, герцог, теперь говорит не король, но друг! Я люблю Христиану, как никого еще не любил; ее безыскусное чистосердечие, ее девственная чистота – все пленило меня в ней. Тогда...

– Тогда, ваше величество, – с горечью сказал герцог, – вы, друг ее отца, спасшего вам жизнь, решили отплатить за эту услугу.

– Тем, что прошу у герцога Бискайского, моего друга, руки его дочери, – с благородством сказал король, – неужели он откажет мне и спас мне жизнь только для того, чтобы осудить на вечное страдание? Теперь отвечайте мне, герцог, или, вернее, друг мой; я сказал все, что хотел сообщить вам.

– Но я, ваше величество, должен сообщить вам, что недостойн вашей доброты, что сомневался в вас, в вашем сердце, наконец, в величии вашей души, что еще вчера, когда мне открыли, кто вы, я думал, что вы намерены внести позор в мой дом.

– Молчите, дон Луис!

– Нет, ваше величество, не буду молчать! Вы должны узнать все: ненависть, которую я питал в сердце к вашему отцу, мгновенно пробудилась во мне сильнее, ужаснее прежнего, и – да простит мне Господь! – в моей голове мелькнула мысль смыть вашей кровью неизгладимое оскорбление, которое вы, как мне казалось, хотели нанести.

– Вы имели бы на это право, дон Луис; я был бы подлец и изменник, если б действительно замыслил то, что предполагали вы. Однако, герцог, вы не ответили еще на мою просьбу.

– О! Ваше величество, такая честь... – пробормотал дон Луис, изнемогая от прилива разнородных чувств, которыми было переполнено его сердце.

– Полно, кузен, – ласково остановил его король, – разве впервые вашему роду вступать в союз с королевским домом? Поверьте мне, герцог, вашему счастью будут завидовать, но злобной зависти оно не возбудит, так как брак этот в глазах всех будет явным восстановлением вашего доброго имени и доказательством большого уважения к вам вашего короля и друга.

– Благодарю, ваше величество, вы велики и возвышенны душой.

– Нет, я благодарен, – возразил король, улыбаясь, – я справедлив, а в особенности – влюблен. Теперь же, когда между нами нет более недоразумения, поговорим о наших делах, чтобы и впредь не могло вкрасться ничего темного между нами.

– Я почтительно слушаю ваше величество.

– Садитесь возле меня.

– Ваше величество!

– Я так хочу.

Граф склонил голову и взял стул.

Положив портфель на стол, король отпер его золотым ключиком тонкой работы и достал из него несколько пергаментов с печатями разных величин и цветов.

– Вот, – сказал король, – все бумаги, относящиеся к делам, о которых мы говорили; ваши грамоты на владение – словом, все, что было вашим и что я возвратил вам. А вот, сверх того, ваше назначение губернатором Бискайи... Последний же этот акт есть составленный мной брачный договор; из него вы увидите, что я закрепляю за Христианой сумму в миллион пиастров и вдовью пенсию в двести тысяч в год.

– О, это слишком много, ваше величество!

– Я не согласен, кузен, напротив, я нахожу, что этого недостаточно... Но довольно обо всем этом! Вот ключ и портфель, кузен, уберите эти документы и поговорим о другом.

– Ваше величество...

– Завтра, если возможно, вам бы следовало расстаться с этой долиной, где вы наслаждались таким счастьем, и уехать с семейством в Мадрид. Ваш так давно запертый дворец на улице Алькала готов к вашему приему.

– Я исполню приказание вашего величества и завтра же выеду.

– Очень хорошо! Я, со своей стороны, отправлюсь сегодня вечером из Толедо, так что мы прибудем в Мадрид почти одновременно. Однако мне пора приступить к самой щекотливой части моего сообщения. Для избежания всякого недоразумения, чтобы вы вполне поняли меня, любезный кузен, я по-прежнему буду говорить с вами совершенно откровенно.

Герцог почтительно склонил голову.

– Не знаю, известно вам или нет, любезный дон Луис, – продолжал король с напускной веселостью, – что я слышу – если не на самом деле являюсь таковым – за короля очень слабого и добродушного, который позволяет министрам управлять собой и делает почти все, чего они хотят.

– О, ваше величество!

– Это верно. Наскучила ли мне борьба с душами более упорными, или утомила она меня, но много справедливого в этих слухах. Я сознаюсь в этом, но средства помочь беде не вижу. Теперь это положение вещей изменить нельзя. Герцог Оливарес, мой первый министр, управляет королевством почти по своему усмотрению. Я не препятствую ему ни в чем, а так как это, в сущности, глубокий политик, опытный в делах, то я по большей части в выигрыше.

Из всего изложенного следует, что, не желая открыто вступать в борьбу, когда мне приходит охота быть независимым, я обхожу затруднение окольным путем и потом вынуждаю упрямого министра смириться перед свершившимся фактом. Понимаете, герцог?

– Вполне понимаю, ваше величество.

– Так я приступлю к дальнейшему: мой брак с доньей Христианой – один из моих приступов независимости, о которых я только что упоминал.

– То есть ваше величество желает обойти затруднение?

– Именно, и вот средство, которое я придумал, оно очень простое и непременно будет иметь успех.

– Я слушаю, ваше величество.

– Я сочетаюсь с доньей Христианой тайным браком.

– Тайным браком?

– Как только у меня родится сын, брак будет обнародован и мой сын объявлен наследником престола. Как и всегда, герцог Оливарес побесится, так как у него на уме другой брак, если не ошибаюсь, но должен будет покориться; только нам надо спешить, чтобы искусные шпионы не успели предупредить его.

– Но тайный брак, ваше величество!..

– Все знаю, но другого выхода нет. К тому же это вопрос года, не больше. Кроме того, хотя и не признанная официально, донья Христиана будет пользоваться своим званием при дворе.

– Если дело должно произойти таким образом, я предпочел бы, чтобы дочь моя оставалась у меня в доме: на нее меньше будут обращены взгляды.

– Вы правы, кузен, так будет лучше. Теперь же я подкреплю обещание своим королевским словом. Согласны вы принять это ручательство?

– Приходится, делать нечего.

– Но вы не скрываете от меня неприятных мыслей?

– Нет, ваше величество, я так же прямодушен, как и вы сами.

– Значит, все идет отлично. Не говорите ничего дамам о нашем разговоре, пока мы не увидимся опять в Мадриде, – я желаю преподнести сюрприз моей пленительной донье Христиане.

– Все будет исполнено по желанию вашего величества... но разрешите ли вы мне обратиться к вам с просьбой?

– Просите о чем хотите, кузен, все даровано вам заранее, – милостиво сказал король. – О чем речь?

– О бедном священнике деревенской церкви, которая стоит на склоне горы. Он был наставником моих дочерей, ваше величество, и ныне проповедует слово Божие. Он чрезвычайно предан моему семейству; мне не хотелось бы расставаться с ним.

Не говоря ни слова, король придвинул к себе лист бумаги, написал несколько строк, подписался и перстнем, который носил на шее на золотой цепочке, приложил печать, после чего сложил лист вчетверо и подал его дону Луису.

– Не читайте, кузен, – сказал король с улыбкой, – и сами отдайте ему это.

– Он сейчас прибудет.

– Так подождите, пока я уеду, и только тогда передайте ему бумагу... Теперь все? Вам не о чем больше просить меня?

– Только могу благодарить ваше величество за все милости, которыми я осыпан.

– А вы разве ничего не делаете для меня, дон Луис? Ни слова больше об этом; сойдем теперь к дамам.

– Я к услугам вашего величества.

– Не забудьте, кузен, что сегодня я еще сохраняю свое инкогнито, что я – дон Фелипе и более никем быть не хочу.

– Я исполню ваше приказание.

Дамы с нетерпением и беспокойством ожидали конца этого продолжительного разговора, причина которого им была неизвестна. Они очень обрадовались при появлении мужчин, которые с веселыми лицами дружески разговаривали между собой.

В то же самое время у садовой калитки показался отец Санчес. Он сильно тревожился и потому с невыразимым радостным облегчением и благодарностью к Богу услышал уверение дон Луиса, который поспешил к нему навстречу, что все окончилось счастливейшим и вместе с тем самым необычайным образом; дон Луис прибавил второпях, что расскажет все позднее и что отец Санчес так же, наверное, как и он, будет в восторге от непредвиденной развязки дела, грозившего самыми ужасными последствиями.

– Особенно, – заключил он, – не показывайте вида, что узнали короля; сегодня он еще хочет сохранить строжайшее инкогнито.

– Я во всем буду соображаться с волей его величества, любезный дон Луис, вы будете довольны мной, – ответил священник с кроткой и тонкой улыбкой.

День прошел в тихих и приятных беседах.

По своему обыкновению король простился около трех часов. Дон Луис и отец Санчес провожали его до конца долины.

– До скорого свидания! – сказал король, махнув им рукой в последний раз.

Он ускакал.

Священник и дон Луис вернулись к дому медленным шагом; последний рассказал со всеми подробностями о том, что произошло между ним и королем. Свой рассказ он заключил тем, что, не желая расстаться с ним, просил у его величества разрешения увести священника с собой в Мадрид.

– Вот, падре, – прибавил он, подавая ему бумагу с королевской подписью, – что мне поручено передать вам.

Священник развернул бумагу и вскрикнул от изумления: он назначался настоятелем Иеронимитского монастыря в Мадриде.

На другое утро долина, в которой так долго благоденствовало семейство де Торменаров, опустела; домик их стоял брошенный навсегда.

Все совершилось так, как решил король.

Бракосочетание Филиппа IV и доньи Христианы произошло в Эскуриале⁸ в присутствии некоторых придворных и самого герцога Оливареса, хотя брак был объявлен тайным.

Всемогущий министр искусно скрыл свое неудовольствие по поводу брака, состоявшегося против его воли, – по крайней мере он, как и всегда, внешне казался склонившимся пред свершившимся фактом.

Так продолжалось довольно долго; министр и, по его примеру, все придворные оказывали всевозможные почести той, которая с минуты на минуту могла быть открыто признана королевой.

Дон Луис де Торменар пользовался, по крайней мере с виду, величайшим весом при дворе, постоянно живя в Мадриде, в своем собственном дворце, лишь по временам и на короткий срок навещая Бискайю, губернатором которой он был.

Прошло два года, наконец донья Христиана в декабре 1641 года родила сына.

Долгожданное рождение ребенка привело короля в восторг. По получении уведомления он примчался в мадридский дворец герцога, где все еще жила донья Христиана, и непременно сам хотел положить в колыбель желанного сына орден Золотого руна первой степени,

⁸ Эскуриал (Эскориал) – город близ Мадрида с одноименным дворцом-монастырем, резиденцией испанских королей.

великими магистрами которого были испанские короли в качестве прямых наследников герцогов Бургундских.

Новорожденного окрестили под именами Гастона-Филиппа Карла Лорана, и отец тут же пожаловал ему титул графа де Транстамара и назначил альмиранте⁹ Кастильским.

Затем король, верный слову, которое дал герцогу Бискайскому, принял меры, чтобы публично огласить свой брак и признать донью Христиану королевой.

Дело вели с необычайной быстротой; торжественный обряд в Уэльвском монастыре должен был совершиться, как только поправится будущая королева.

Роды доньи Христианы были очень тяжелые, она медленно приходила в силы, однако доктора не выказывали ни малейшего беспокойства; напротив, они утверждали, что молодая женщина скоро будет в состоянии встать, когда вдруг, против всякого ожидания, с доньей Христианой после продолжительного посещения герцога Оливареса случился первый припадок и через полчаса она скончалась в страшных страданиях на руках обезумевшего от отчаяния короля.

Смерть эта вызвала большие толки при дворе.

Враги министра – а их было немало – громко говорили об убийстве, то есть отравлении, но слухов этих ничто не подтверждало, и мало-помалу они затихли сами собой.

Безутешный король с торжественным великолепием схоронил единственную женщину, которую горячо любил и которая была вполне достойна его любви по ангельской кроуости своей и высокому уму. Он заперся в своем дворце и долго никого не хотел принимать, кроме самых близких к нему лиц.

Беды к горю, как реки к морю – эта народная поговорка сбылась роковым образом и теперь.

Донья Мария Долорес с младшей дочерью, доньей Лусией, уехали в Бискаю тотчас после смерти доньи Христианы и предавались снедающему их горю в замке Торменар, мрачном здании среди гор, находящемся в каких-нибудь двух-трех милях от французской границы.

Однажды ночью замок был захвачен врасплох и сожжен мародерами, как говорили, принадлежащими к французской армии. Слабый гарнизон, защищавший Торменар, был весь перебит, местечко и замок преданы огню и мечу.

На следующее утро от них остались одни дымящиеся развалины; пожар залили кровью; мародеры исчезли с громадными богатствами и увели с собой донью Марию и ее дочь, донью Лусию.

Этот новый, еще более ужасный удар, поразивший дону Луиса, едва не лишил его рассудка.

Силой воли, однако, он поборол свое отчаяние. Во что бы то ни стало решил он отыскать жену и дочь, но лишь напрасно расточал золото и обещания, – все поиски остались тщетными, все усилия не привели ни к какому результату. Никогда убитый горем муж и сокрушенный духом отец не смог узнать что-либо о судьбе двух дорогих ему существ; она осталась навсегда покрыта непроницаемой тайной.

Изъездив Европу в течение нескольких лет по всем направлениям в поисках двух ангелов, которых лишился таким печальным образом, герцог сдал все занимаемые им должности герцогу Оливаресу, бывшему в то время могущественнее и счастливее, чем когда-либо, и удалился во вновь отстроенный по его приказанию на прежнем месте замок Торменар, чтобы там доживать век вдали от света, причинившего ему столько страданий.

Один преданный друг остался верен герцогу в его несчастье, это был отец Санчес, который все оставил, чтобы разделить его уединение и не утешать его – есть такого рода

⁹ Альмиранте – адмирал.

скорбь, которая всегда останется незаживающей раной в сердце, – но помогать твердо сносить удары, постигшие его, и поддерживать на скорбном пути жизни.

Гастон-Филипп, на которого король, отец его, по-видимому, перенес всю любовь, которую питал к его матери, получил блестящее образование.

В то время, о котором мы теперь ведем речь, это был прекрасный и гордый молодой человек лет семнадцати, одаренный пленительной красотой матери, но с выражением более мужественным и в особенности более твердым.

По неперемennomу требованию короля, который словно боялся с ним расстаться, юноша не оставлял двора и жил в мадридском дворце деда. Он носил титул графа де Транстамара и, как было сказано выше, со дня рождения своего был назначен кастильским альмиранте.

Хотя Гастон лишь изредка видел своего деда, герцога Бискайского, он, однако, питал к нему искреннюю и глубокую привязанность и был счастлив, когда удавалось выпросить у короля дозволение провести несколько дней в Торменаре.

И в замке это были дни радости! При виде внука дон Луис словно оживал, и радостное чувство наполняло его сердце. С неисчерпаемым наслаждением слушал герцог рассказы молодого человека о его жизни в Мадриде, о событиях при дворе, свидетелем которых он был.

Однако тайное беспокойство терзало старого герцога.

Хотя, казалось, король и горячо любил Гастона-Филиппа, окружал его заботливым вниманием и осыпал милостями, однако не признал еще законности своего брака с доньей Христианой, несмотря на торжественное обещание, и не упрочил положения своего сына, которого после объявления брака должен был признать наследником престола.

Это равнодушие короля, эта непостижимая беспечность огорчали старика, и не из честолюбия – давно уже всякое честолюбие умерло в его сердце, – но он находил справедливым этот поступок по отношению к сыну той женщины, которую король так любил, и считал, что король оскорбляет ее память, изменяя священной клятве.

И это было еще не все: король не оставался верен памяти бедной Христианы; несмотря на первые приступы безутешного горя, он мало-помалу втянулся в свой обычный образ жизни, одна за другой несколько наложниц метеорами сверкали при дворе. Одна из них имела сына, и под именем дона Хуана Австрийского сын этот открыто воспитывался при короле, пользуясь его любовью и милостями наравне с Гастоном-Филиппом, который, хотя и непризнанный, все же был законным сыном и прямым наследником престола.

Кроме того, чья-то скрытая, но неумолимая и никогда не дремлющая ненависть с самого рождения молодого человека с ожесточением преследовала его. Или это была несчастная судьба?

Напрасно старый герцог старался выяснить что-нибудь на этот счет, удивительное стечение обстоятельств, случайных или вызванных упорной ненавистью, приводило старика в сильное недоумение и внушало ему величайшие опасения за жизнь внука.

Несколько раз Гастон чуть было не сделался жертвой самых странных случайностей, даже жизнь его была в опасности.

Эти случайности были так искусно подстроены, что Гастон, со свойственной его возрасту беспечностью и к тому же одаренный неодолимой храбростью, со смехом рассказывал деду, который грустно покачивал головой, слушая его, как лошадь под ним внезапно взбесилась и он чуть было не разбился насмерть в скалах; или как в другой раз, когда он фехтовал с графом Медина Сидонией, молодым человеком одних с ним лет и большим его приятелем, с рапиры графа каким-то непостижимым образом вдруг слетел шарик и жизнь Гастона была на волоске, так как рапира чуть не проткнула его насквозь.

Еще раз, на охоте, пули засвистели вокруг него, а узнать, кто же был виновником такой удивительной неловкости, оказалось невозможно.

Все эти факты действительно наводили ужас и сильно беспокоили старого герцога.

Так обстояло дело, когда однажды утром в мае 1750 года Гастон неожиданно прискакал в Торменар, где не был с год.

Герцог Бискайский, предупрежденный слугой, поспешил навстречу молодому человеку, который, увидев деда, соскочил с лошади и бросился в его объятия, осыпая его дорогами для старческого сердца ласками.

После этого молодой человек подал руку герцогу, и они вместе вошли в замок.

Глава V. Клятва

Молодой человек был бледен, брови его нахмурены, он казался чем-то сильно удручен и взволнован. Герцог усадил внука на подушку у своих ног, взял его за руки и двести минут внимательно вглядывался в его лицо.

– Бедное дитя! – сказал он, целуя его в лоб. – Ведь ты очень страдаешь?

– Очень, дедушка, – ответил Гастон с глазами, полными слез.

– Хочешь разделить со мной свое горе, дитя?

– Для этого только я и прискакал сюда, дедушка.

– Как! Ты все эти двести миль...

– Летел сломя голову, чтобы все рассказать вам.

– А... король что?

– Король! – вскричал он с горечью. – Король – могущественный властелин, дедушка!

– Надолго ты ко мне теперь?

– Вы сами решите это.

– Если так, то я не скоро выпущу тебя из Торменара.

– Кто знает? – пробормотал Гастон задумчиво.

– Правда, король, твой отец...

– У меня нет больше отца, кроме вас, герцог.

– Боже! Разве король скончался?

– Успокойтесь, здоровье его величества отменное.

– Тогда твои слова для меня загадка, дитя мое, и я отказываюсь понять их.

– Я объясню, не беспокойтесь, но прежде чем приступить к объяснению, я желал бы видеть здесь достойного пастыря...

– Он в отсутствии, дитя мое, – перебил герцог, – уже месяц как отец Санчес уехал от меня, – вероятно, ты говоришь о нем?

– Разумеется, о нем, о вашем старом друге, единственном, который оставался верен нашему семейству.

– Увы! Отец Санчес уже с месяц в Мадриде, куда внезапно был призван делами величайшей важности, как по крайней мере сказал он мне перед отъездом из замка. Удивительно, что ты не видел его при дворе.

– И меня это удивляет, дедушка, – обычно по приезде в Мадрид он первым делом навещал меня. Вероятно, что нибудь помешало ему... Но так как отец Санчес в отсутствии, то я выскажу все только вам, дедушка.

– Говори, дитя, я слушаю.

– Прежде всего надо вам сказать, что в течение уже нескольких месяцев я замечал странную перемену в обращении короля со мной; его величество все еще был милостив ко мне, но не так сердечен, не так откровенен. Когда являлся во дворец, я замечал в нем что-то натянутое, неестественное, чего никогда прежде не бывало! Мало-помалу его обращение со мной превратилось в холодное, сухое и надменное, не раз мне даже возбранялся вход к королю, и я уезжал из дворца, так и не повидав его величества.

– О, это действительно странно! – пробормотал герцог, нахмутив брови.

– Это еще ничего, – продолжал молодой человек с горькой усмешкой, – мне суждено было вынести оскорбления и посильнее. Придворные, по свойственному им обычаю сообщаясь с настроением духа короля, стали принимать в разговоре со мной тон, который мне очень не нравился, они шептались между собой или понижали голос при моем появлении; если бы смели, они просто повернулись бы ко мне спиной. Я молча страдал от этих глупых

нападок, выжидая прямого оскорбления, за которое мог бы достойно отомстить. Прав ли я был?

– Прав, дитя мое, ты поступал как человек благородный и храбрый... Я предчувствую, как все это должно было кончиться.

– Напротив, дедушка, вы и подозревать не можете, – возразил Гастон с нервным смехом. – О! Моя месть была великолепна, даже блистательнее, чем я мог надеяться!

– Продолжай, дитя, я слушаю.

– В это время при дворе стали поговаривать о женитьбе короля. Смутные вначале, слухи становились все определеннее.

– О женитьбе короля? – вскричал герцог с прискорбным изумлением. – Так король женится?!

– Да, теперь об этом объявлено официально, его величество вступает в брак с принцессой, олицетворением совершенства, как говорят. Да нам-то какое дело!

– Это правда, – прошептал герцог, стиснув зубы, тогда как презрительная улыбка мелькнула на его побледневших губах, – продолжай, мой мальчик.

– Однажды утром, – заговорил опять Гастон, – ко мне явился королевский камердинер с извещением, что король требует меня к себе. Я немедленно сел на лошадь и отправился в Эскуриал. Его величество ждал меня в своей молельне, с бледным лицом и глазами, красными от слез или от бессонной ночи. Камердинера он отослал движением руки и знаком подозвал меня к себе. Я повиновался. Заметив, что я держу шляпу в руке, король сказал сухо: «Наденьте шляпу, вы испанский гранд». – «Если как гранд я имею право стоять перед королем в шляпе, то долг велит мне слушать отца с обнаженной и склоненной головой». – «Хорошо, сын мой».

– Король отвернулся, – продолжал Гастон, – и спустя минуту заговорил опять: «Я призвал вас по весьма важному делу, которое не терпит отлагательства».

Никогда еще король не говорил со мной так холодно! У меня дрогнуло сердце, но я ничего не ответил. Видя, что я молчу, он продолжал тоном человека, который спешит исполнить то, что в душе находит достойным порицания.

«Польза государства требует, чтобы я вступил в брак; вероятно, вы уже слышали об этом?»

Я только наклонил голову.

«Бракосочетание должно вскоре совершиться, и я вынужден временно удалить вас от двора». – «Это изгнание, ваше величество?» – спросил я. – «Нет, – с живостью возразил король, – это мера осторожности, диктуемая политикой. Предоставляю вам самому выбрать место вашего пребывания, только не в Бискайе, у вашего деда...»

– Король сказал это? – вскричал герцог.

– Разумеется, раз я повторяю его слова!

– Правда, прости мне, мой мальчик!

– «...И чтоб вы не подъезжали ко двору ближе чем на двадцать пять миль, – продолжал молодой человек. – Впрочем, ваше удаление будет, надеюсь, непродолжительно; вот все, что я хотел сказать вам. Уезжайте, вдали вы или вблизи, мое благосклонное внимание всегда будет следить за вами».

Не дав мне времени ответить, король знаком простился со мной и прошел в другую комнату. Как во сне вышел я из Эскуриала и возвратился домой, сам себя не помня. Там я нашел приближенного секретаря могущественного министра, который от имени короля потребовал, чтобы я отказался от всех своих званий. Как видите, король спешил доказать мне благосклонность, в которой уверял. Не удостоив посланника ни единым словом, я молча подписался под всеми актами отречения. Секретарь брал их один за одним, рассматривал, и,

когда все бумаги были подписаны, он спросил меня с усмешкой, когда я уезжаю. «Сегодня же», – ответил я и выставил вон этого человека.

– Так ты без звания, дитя мое?

– Только сын Христианы де Торменар, и этого звания, ей богу, никто не может у меня отнять! Да и на что мне титулы?.. Но это еще не все, дедушка.

– Говори, дитя.

– В тот же вечер герцог Медина-Сидония, отец моего близкого приятеля, давал бал, на который была приглашена вся знать. Так как я не совершил ни преступления, ни позорного действия, насколько мне было известно, я не считал достойным себя скрыться от двора, словно беглец, я решил явиться на бал с гордо поднятой головой, как человек, уверенный в своей невинности. Итак, я велел все приготовить к своему отъезду и, распорядившись, чтобы люди с экипажами ждали меня у форта Энарес, с одним слугой, которого оставил при себе, отправился во дворец герцога Медина-Сидонии. Многочисленная и блистательная толпа теснилась во всех залах. Мое появление произвело ошеломляющее впечатление, я ожидал этого и потому несколько не смутился. Должно быть, немилость, в которую я впал, была уже всем известна, из моих многочисленных накануне друзей оказалось всего пятеро или шестеро, у которых хватило духу подойти ко мне и пожать руку – знак сочувствия, за который я был им глубоко признателен в душе. Медина-Сидония, сын герцога, и граф Осуна взяли меня под руки и, весело разговаривая, пошли со мной среди толпы, которая расступалась, точно я чумной, потом они увели меня в комнату, где собралась вся молодежь из высшей знати, чтобы смеяться и шутить на свободе. В числе присутствующих находился молодой человек, почти одних лет со мной, по имени или, вернее, называемый доном Филиппом Гусманом Оливаресом. Он был сыном герцога и севильской актрисы. Три года назад отец узаконил его благодаря своему могуществу. Молодой человек этот – в сущности, ничтожный и очень гордый своими новыми титулами – всегда выказывал, сам не знаю почему, глубокую ненависть по отношению ко мне, на которую, однако, признаться, я не обращал ровно никакого внимания, дедушка. В ту минуту, когда я входил, дон Филипп говорил с большим оживлением посреди небольшой кучки людей, собравшихся вокруг него. При моем появлении один из его приятелей сделал ему знак, и он мгновенно замолчал...

...Тут я воспользуюсь своим правом романиста и вместо слов Гастона де Транстамара вставлю свой собственный рассказ, в убеждении, что интерес повествования от этого только выиграет.

Молодой человек прекрасно заметил внезапное молчание, воцарившееся в толпе около дона Филиппа при его неожиданном появлении в дверях; он медленно подошел к дону Филиппу, раскланиваясь направо и налево, и очень спокойно сказал:

– Извините, кабальеро, вы, кажется, беседовали о чем-то чрезвычайно занимательном, когда я вошел. Надеюсь, вы не сочтете мое поведение нескромным, если я спрошу, что именно так сильно заинтересовало вас?

– Нисколько, сеньор, – дерзко ответил дон Филипп, – мы говорили о незаконных сынах!

– Лучше вас, кабальеро, – холодно возразил Гастон, – никто не может обсуждать подобный вопрос. Позвольте узнать, здорова ли ваша матушка?

– Сеньор! – воскликнул собеседник в порыве гнева. – Такое оскорбление...

– Оскорбление? Когда я осведомляюсь о здоровье вашей матери, кабальеро? Да что с вами?!

Дон Филипп прикусил губу.

– Я говорил о вас, – процедил он сквозь зубы.

– Стало быть, я, по вашему мнению, незаконный сын? – вскричал Гастон, и молния сверкнула в его черных глазах. – Клянусь Богом, вы солгали! Оказывается, вы не только глупец, но еще и клеветник!

– Да что же это, сеньоры! – вскричал с гневом один из молодых людей. – Разве сыновья куртизанок станут нам предписывать законы? Вышвырнуть вон этого человека, и делу конец!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.